

А.С. Макаренко

Мажор

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-2
ББК 84-6
М15

M15 **Макаренко А.С.**
Мажор / А.С. Макаренко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 85 с.

ISBN 978-5-458-04289-5

В своих специальных теоретических работах А.С.Макаренко писал: «Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение...» И еще: «Мажор в коллективе должен иметь очень спокойный и крепкий вид. Это прежде всего проявление внутреннего, уверенного спокойствия в своих силах, в силах своего коллектива и в своем будущем».

ISBN 978-5-458-04289-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.С. Макаренко, 2021

Антон Семенович
Макаренко
Мажор
Пьеса в четырех актах

Действующие лица

Крейцер Александр Осипович — председатель Правления трудовой коммуны имени Фрунзе. Высокий, стройный, в военной форме. Всегда в хорошем настроении, даже когда сердит. Уверенный в себе, с большой силой воли, 36 лет.

Захаров Алексей Степанович — заведующий коммуной, иногда в военной форме, но большей частью одет сборно. Худой, молчаливый, чрезвычайно спокойный человек. Он может часто проходить через сцену по своим каким-то делам без слов, иногда прислушиваться к происходящему. Несмотря на немногословие, он деятельный воспитатель в коммуне, и его интеллект и воля должны чувствовать. 40 лет.

Торская Надежда Николаевна — учительница русского языка в рабфаке коммуны. Хороша собой, женственна, очень культурна. Бодрый характер. 23 года.

Дмитриевский Георгий Васильевич — главный инженер завода электроинструмента при коммуне. Высокий, худой, очень вежлив и всегда серьезен. 44 года.

Воргунов Петр Петрович — начальник механического цеха и заместитель главного инженера. Полный, массивный. Бритое лицо, выразительная мимика. Говорит басом. 55 лет.

Троян Николай Павлович — начальник сборного цеха завода. Усы и бородка, за которыми не следит. Очки. Всегда спокоен и молчалив. 40 лет.

Вальченко Иван Семенович — начальник инструментального цеха завода, красив, темная шевелюра, брит.

Григорьев Игорь Александрович — инженер, старший инструктор завода. Блондин, подстриженные усики и пенсне без оправы. Всегда оживлен. 29 лет.

Блюм Соломон Маркович — бывший заведующий производством коммуны, теперь заведующий снабжением. Небольшое оживление, несколько отекшее лицо, лысина. Несмотря на все это, очень подвижен, всегда бодр и энергичен. 57 лет.

Белоконь — механик, усы закручены, ежик. 38 лет.

Воробьев Петр — шофер, блондин, веселый. 25 лет.

Черный — инструктор. Высокий, худой, черный и долговязый. 30 лет.

1-я уборщица.

2-я уборщица.

Пожарный.

Коммунары:

Шведов Марк — приземистый, широколобый, огромные глаза. 18 лет.

Жученко (Жучок) Ваня — секретарь совета командиров, большая наклонность к улыбке. Добродушен, но напускает на себя строгость по положению, часто ее не выдерживает и улыбается. Веснушки. 17 лет.

Одарюк Тимка — рыжий, некрасивый, стройный. 17 лет.

Клюкин Вася — командир первого отряда коммунаров, высокий, светлые локоны, интеллигентное лицо. 17 лет.

Забегай Коля — командир четвертого отряда. Образец постоянного бурлящей бодрости. 17 лет.

Ночевная Настя — командир отряда девочек, в отличие от других носит косу. Серьезный человек.

Зырянский Алешка — командир второго отряда, неподатлив и прям во всем. 17 лет.

Собченко Санька (Санчо) — командир пятого отряда, небольшого роста, остроносый блондин с непокорными вихрами. Живой, 16 лет.

Нестеренко Наташа — темные локоны, большие глаза. 17 лет.

Донченко Вера — полная, с круглым лицом, рыжеватая, спокойная девушка. 16 лет.

Гедзь Володя — курчавый юноша с вздернутым носом, несколько грубоват, силен. 18 лет.

Болтов Сергей — широкий нос, монгольское лицо, идеальная прическа. 16 лет.

Синенький Ваня — очень хорошенъкий, с чистым лицом, аккуратно причесанный мальчик, всегда весел, сигналист коммуны, часто носит с собой трубу-сигналку на синей ленте. 13 лет.

Романченко Федя — умен, проказник; когда находится в официальной обстановке, делается очень серьезен и старается говорить басом. 13 лет.

Вехов Игорь — молодой коммунар. Не беспризорный — из семьи. 15–16 лет.

Лаптенко Гриша — беспризорный, живые черные глаза. 14 лет.

Деминская.

Коммунары и коммунарки.

Общие указания к постановке

Мы даем шестнадцать «говорящих» коммунаров, чтобы не за труднить театр. Всего в коммуне двести человек. Этот коллектив театр должен показать движением коммунаров в разное время при помощи разнообразия лиц и возрастов.

Приблизительное отношение возрастов: шестнадцати — восемнадцати лет — пятьдесят процентов; четырнадцати-пятнадцати лет — тридцать процентов; двенадцати-тринадцати лет — двадцать процентов.

Из общего числа — девочек двадцать пять процентов.

Коммунары всегда одеты в форму. Во втором действии белые костюмы: штаны на выпуск и спрятанные в них рубахи со свободными воротниками (как в ковбойке). На левом рукаве вышитая золотом буква Ф. На голове тюбетейка. Узкий черный пояс.

В остальных действиях обычный костюм: ботинки, гамаши с коричневой каймой, черные суконные полугалифе и взятые в штаны суконные синие рубахи. Черный пояс. На левом рукаве такой же знак. У часового и у дежурного команда на голове темно-синяя беретка, у дежурного, кроме того, шелковая красная повязка на рукаве.

С завода коммунары проходят в третьем действии в спецовках: синие штаны и такие же пиджаки, у многих довольно замасленные. Уже к концу третьего акта все должны переодеться в обычный костюм, только на пожар многие сверх обычного костюма надевают пиджаки.

У девочек такого же цвета костюмы, вместо сукна шерсть. Вместо спецовок синие халатики.

Как правило, все коммунары подтянуты, собраны в движениях, не опираются на стены, сходя по лестнице, не держатся за перила. Только младшие позволяют себе иногда съехать по перилам.

Все причесаны, небольшие нарушения этого правила у младших.

Не должно быть толкотни, пробок в дверях.

Акт первый

Временная контора завода электроинструмента в коммуне имени Фрунзе. Большая комната — класс, на стене доска. Два окна в задней стене открыты, справа видно новое здание, кое-где еще остались леса. Несколько вершин деревьев, конец лета.

Прямо, ближе к задней стене, стол главного инженера. За столом Дмитриевский. По эту сторону стола в кресле Воргунов. Они рассматривают большой чертеж.

Слева, ближе к зрителю, высокий стол, какие бывают в физических кабинетах. За ним стоя работает Троян. На его столе собранные электросверла и электрорубанок, много, целые кучи разных деталей. К столу привинчены маленькие тисочки. В банке с бензином лежат какие-то части.

Далеко от зрителей маленький столик Григорьева, за которым он, впрочем, никогда не сидит. Справа чертежный стол Вальченко. Самого его сейчас нет. В комнате много стульев самых разнообразных фасонов: канцелярских, столовых, классных, две-три табуретки. Все в большом беспорядке: на столах и на полу сор и окурки, некоторые стулья в известке.

На задней стене на синьке два больших чертежа.

Дмитриевский(кричит в окно): Соломон Маркович, Соломон Маркович! Подождите, не выезжайте. Зайдите на минуточку к нам.

Блюм(за окном): А что такое? Я же и так опоздал...

Дмитриевский: Соломон Маркович, очень нужно.

Блюм: Ну... хорошо.

Троян(рассматривая на свет две шестеренки): В нашем городе он такого фрезя не достанет. Я уже искал.

Воргунов(сдержанно опуская кулак на стол): Не могу понять. Не могу. Как могли допустить такую ошибку? Ведь это задача для грудных детей. Кто это придумал, что сюда подойдет фрез модуль один? Это вы, Григорьев?

Григорьев: Кажется, нет. Кажется, товарищ Троян вычисывал.

Троян: Если кажется, нужно перекреститься, Игорь Александрович. Все зуборезные высчитывали вы, как вы могли это забыть? Вот же у меня расчеты. Вот! Это ваши цифры?

Григорьев(заглянув в бумажку): Как это могло быть? Поразительно...

Блюм(входит с толстым портфелем): Ну, что такое? Когда же я выеду в город? Это не темпы, а мучительство. Разве так можно

работать?

Дмитриевский: Соломон Маркович, маленькое недоразумение: для зуборезного «рейнекер» рассчитан фрез модуль один, а нужно ноль семьдесят пять сотых.

Блюм: Новое дело! Пойдите достаньте. Модуль один доставали две недели, а теперь семьдесят пять сотых... А кто же такой грамотный, извините?

Молчание.

Значит, кот Васька виноват? Ну и хорошо. Я поехал. Только, пожалуйста: мне, старику, прыгать по лестницам нельзя сказать, чтобы было приятно. Пока я дойду до машины, так вы мне закричите: не ноль семьдесят пять сотых, а ноль сто семьдесят пять сотых. Так, пожалуйста, кричите в окно, я догадаюсь, в чем дело. Будем доставать.

Троян: В городе нет.

Блюм: Что значит нет? На свете все есть, даже калоши номер пятнадцатый. (*Собирается уходить*).

Троян: Подождите, Соломон Маркович, я заканчиваю проверку. Сейчас.

Блюм: Вот теперь подождите. В таких темпах работают только угорелые кошки...

Дмитриевский: Не волнуйтесь, Соломон Маркович.

Блюм: Как же не волноваться, Георгий Васильевич? Вот-вот должны приехать коммунары. А что у нас есть? Даже фундаментов нет, станки в ящиках. Это называется: мы пускаем завод первого сентября? А сейчас тринадцатое августа, слава тебе, Господи. А что скажут коммунары? Сидели здесь вас шесть инженеров, а сделали для комара насморк.

Дмитриевский: Ничего, ничего, все будет хорошо. Садитесь лучше и расскажите нам о коммунарах.

Блюм: Ну что же, будем сидеть и разговаривать? Коммунары нам покажут, как разговаривать. Кто здесь сидел: инженеры или разговорщики? Вот вы их увидите!

Воргунов: Вы думаете, мы не видели беспризорных?

Блюм: Да, вы их не видели.

Воргунов: Один даже у меня шапку сорвал с головы, да я отнял.

Блюм: Хэ-хэ, то шапка...

Воргунов: А то что?

Блюм: Они из вас душу вытрясут, к вашему сведению.

Григорьев: А у вас уже вытрусили?

Блюм: А что вы думаете? Они за меня как взялись, так моя душа,

знаете, где была? В подметках, если вы хотите знать. Ну, а потом я их узнал, так это же совсем иные люди.

Дмитриевский: Интересно вот что, Соломон Маркович, откуда у вас такая преданность коммунарам? Вероятно, вы хорошо жили, был у вас собственный заводик, правда?

Блюм: Ну а как же? У Блюма был завод, фабрика, настоящий трест. Разве вы не слышали? Соломон Блюм и К. Откуда вы все так хорошо знаете?

Дмитриевский: А все-таки?

Блюм: Что «все-таки»? Ничего никогда у Блюма не было, кроме еврейского счастья — семеро детей. Работал всю жизнь на других, как угорелая лошадь, а что у меня теперь есть? Заводик.

Дмитриевский: Я слышал, вы работали у своего дяди управляющим.

Блюм: Желаю Вам иметь такого дядю. Разве это дядя, когда он не заплатил мне за год жалованья и уехал в Америку? Хороший дядя! Так я лучше буду работать у коммунаров. Они меня не обманут, я знаю. И пускай детки на моем труде учатся.

Воргунов: Трогательная история.

Блюм: История ничего себе.

Троян: Вот расчет. Правильно: семьдесят пять сотых.

Блюм (взял бумажку): Я тоже могу написать: ноль, запятая, семьдесят пять. Передайте это на память коту Ваське. (Возвратил бумажку Трояну).

Троян: Можно передать, что ж...

Блюм, выходя, в дверях встречается с Вальченко.

Здороваются с ним и уходит.

Вальченко усаживается за чертеж.

Григорьев: Он у них здесь делом вертел. Заведующий производством. Спасите мою душу, инженер Блюм.

Вальченко: Он не инженер!

Григорьев: Как не инженер? Да вот и сейчас он насчитал шесть инженеров, значит, и себя считал.

Дмитриевский: По снабжению он работает прекрасно! Прекрасно!

Воргунов: Спекулянт!

Дмитриевский: Нет, про него нельзя это сказать.

Воргунов: Советский спекулянт. Вынюхать, обмануть, с мясом вырвать...

Вальченко: Блюм — энтузиаст.

Воргунов: Еще бы. Для того чтобы хватать каждого встречного

за горло, необходимо быть энтузиастом.

Григорьев: Верно. Это верно. Он спекулянт. И производство у него было такое же. Что хочешь? Дубовая мебель, медные масленки и трусики. Спасите мою душу, комбинат! Все это в сарайах, в подвалах. Столярный цех — это умора. Семьдесят метров длины и весь из фанеры. И чего там только нет, на десять пожаров хватит! А механическая? Станки! И где он их навыдирал? И прямо на полу, никаких фундаментов.

Вальченко: Да! Георгий Васильевич, фундаменты не делаются.

Дмитриевский: Почему?

Вальченко: Белоконь говорит, чертежей нет.

Дмитриевский: Игорь Александрович, что такое?

Воргунов: Чертежей фундаментов до сих пор нет?

Григорьев: Петр Петрович, поймите же... «Гильдмейстры» еще в пути. Габаритов...

Воргунов:... Я вам сказал снять габариты на Кемзе. Я вам сказал, на Кемзе восемнадцать «гильдмейстеров». Сняты габариты?

Григорьев: Да ведь все некогда, Петр Петрович... Эти расчеты...

Воргунов: Где эти расчеты? Модуль один насчитали?

Входит Белоконь.

Воргунов: Где фундаменты?

Белоконь: Чертежей же нет.

Воргунов: Чертей же на вас нет. А леса, а грязь, а бочки? А бетономешалку когда уберете?

Белоконь: Плотники ушли, вы же знаете.

Дмитриевский: Но если фундаменты все равно не делаются, можно заставить каменщиков убрать леса.

Воргунов: Георгий Васильевич! А придут плотники, фундаменты сделают, а чернорабочие фрез рассчитают. А инженер Григорьев что будет делать? Плановое хозяйство? Социализм строите? Социалисты! Портачи!

Дмитриевский: Петр Петрович, ну чего вы так? Григорьев — молодой инженер, ошибся, бывает же...

Воргунов: Не беда, что молод, а беда, что лентяй. Габариты может снять каждый грамотный человек, нужно распорядиться. Нужно меньше баб.

Григорьев: Спасите мою душу, Петр Петрович!

Воргунов: Чтобы чертежи были к вечеру, понимаете?

За окном гудок автомобиля.

Дмитриевский: Позвольте, ведь Блюм на завод едет. (*В окно.*) Соломон Маркович...

Блюм (за окном): А что такое?

Дмитриевский: Зайдите.

Блюм: Но как же так можно?

Дмитриевский: Зайдите, нужно! Вы подождите, товарищ Воробьев. (*К Белоконю*). Пожалуйста, товарищ Белоконь, проследите за уборкой. И здесь после ремонта такой ужас. Подгоните строителей. Ожидаем воспитанников. Надо столовую, спальню скорее.

Белоконь: Побелку кончили, а убрать некому. Собственно говоря, это не моя обязанность.

Воргунов: Не ваше призвание, хотите сказать?

Белоконь: Я по механическому делу, а выходит уборщик...

Дмитриевский: Некогда разбираться с этим. Вы проследите.

Входит Блюм.

Блюм: Товарищи, нельзя же так. Я же просил, крикните в окно, сколько теперь? Наверное, ноль пятьдесят или ноль черт его знает.

Дмитриевский: Соломон Маркович, вы будете на Кемзе?

Блюм: А если буду, так что?

Дмитриевский: Надо снять габариты нескольких станков.

Блюм: Новое дело. Какое же это имеет отношение к снабжению?

Вальченко: Потому, что вы будете на заводе.

Блюм: Мало ли где я бываю! Так я должен за всех работать? А где я возьму время?

Дмитриевский: Я вас очень прошу.

Блюм: Ну хорошо, давайте список, какие там станки.

Григорьев: Я сейчас запишу.

Блюм: Да, Георгий Васильевич, в той заявке на материалы многое пропущено.

Дмитриевский: Не может быть. Дайте. (*Протягивает руку.*)

Блюм: Я никогда не записываю. Запишешь, потеряешь, а так лучше. (*Быстро.*) Латунь медная, калиброванная, четыре, четыре с половиной, шесть, шесть с половиной. Сталь три, размер семь, одна четвертая, восемь и пять, одна четвертая. Сталь пять, размер девять, девять с половиной и одиннадцать с половиной. Сталь шесть, размер шесть и шесть с половиной. Лента тафтиная. Ликоподий. Крепежные части. Метчики одна четверть и три четверти. Провод ПШД ноль двадцать сотых. Провод голый. Пробки угольные. Порошок графитовый.

Все смеются. Вальченко аплодирует.

Блюм: О, у меня память!

Воргунов: А я бы предпочел, чтобы у вас был список. Что это